

УДК 1(091):930.2

Проблема начала русской философии: методология и источники

Романов О.А.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купаль», Гродно*

В статье рассмотрен круг проблем, касающихся начала русской философии. Рассмотрены теории ее генезиса. Обоснован тезис о возникновении русской философии в XI столетии, показаны факторы ее становления и развития. Выделены специфические черты русской философии, детерминированные этноконфессиональной и цивилизационной спецификой восточнославянского социума. Проведен источниковедческий анализ проблемы начала русской философии, выделен корпус текстов, имеющих философское содержание. Показана связь русской философии периода Киевской Руси с общественно-политическими и духовными процессами того времени. Сделан вывод о том, что на начальном этапе развития сложились основные философемы, которые станут сквозными темами всей русской философии.

Ключевые слова: русская философия, национальная философия, православие, восточнославянские народы, мудрость, София, книжная культура, славянское язычество, историософия, всемирная история.

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 129–139)

The issue of the beginning of Russian philosophy: methodology and sources

Ramanau A.A.

Educational establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

This article describes the range of problems related to the beginning of Russian philosophy. We consider the theory of its genesis. The thesis of the emergence of Russian philosophy in the XI century is substantiated, factors of its formation and development. Specific features of Russian philosophy, determined by ethnic and religious and civilizational specifics of Eastern Slavic society are highlighted. A source study analysis of the issue of early Russian philosophy is presented, a body of texts with philosophical content is specified. The relationship of Russian philosophy of the period of Kievan Rus to the socio-political and spiritual processes of the time is illustrated. It is concluded that at the initial stage of the development the main philosophemes were formed, which will be cross-cutting themes throughout the whole Russian philosophy.

Key words: Russian philosophy, national philosophy, Orthodox, Eastern Slavic peoples, wisdom, Sophia, book culture, Slavic Paganism, historical philosophy, world history.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 129–139)

В историко-философских исследованиях сложились две конкурирующие теории генезиса русской философии, причины и условия становления самостоятельной философии.

Адрес для корреспонденции: e-mail: oromanov@inbox.ru – О.А. Романов

ной мысли восточных славян. Одна из них датирует начало русской философии XI столетием, увязывая ее начало с установлением прочных культурных контактов с Византией, т.е. с христианизацией Руси. Важнейшим результатом приобщения восточных славян к христианству стало преодоление ими ограниченного родового сознания, присущего язычеству. Как пишет известный историк русской философии М.Н. Громов, «вчерашний язычник, ...ныне – неофит – призывается к личной моральной ответственности, его жизнь подключается к мировому универсуму, судьба родного этноса становится частью общечеловеческой истории» [1, с. 11]. Постепенно на основе синтеза автохтонного культурного наследия и воспринятых византийских образцов выработался местный тип православной культуры и соответствующей ей философской мысли.

Вторая концепция решительно отказывается признать наличие в составе русской культуры собственной философии вплоть до XVIII века, когда началась институционализация философского знания и появились тексты, в той или иной степени находящиеся в парадигме западноевропейского мышления. Наиболее радикально эту позицию выразил Г.Г. Шпет, выделяя во всей истории русской философии лишь ученические этапы: «невегласие», «около школы», «по прописям», «по линейкам», «первые испытания», «первые ученики», причем названия этих этапов в своей книге изобразил с помощью старославянского шрифта. Он писал, что «философское сознание как общественное сознание, философская культура, сама чистая философия как чистое знание и свободное искусство в России – дело будущего» [2, с. 33]. Существуют и более умеренные оценки русской мысли допетровской эпохи, но все они сводятся либо к признанию вторичности русской мысли по отношению к европейской, либо к признанию наличия отдельных элементов философского мышления, но не целостного философского процесса в пространстве восточнославянской культуры [3].

Данная позиция представляется нам совершенно контрпродуктивной по той причине, что в ее рамках недвусмысленно задается эталон философствования, отождествляемый с философией Запада. Это принципиально неверно, так как философия наряду с действительно имеющимися чертами всеобщности имеет и специфические признаки, обусловленные этническими и цивилизационными факторами. Культурно-цивилизационная детерминация является имманентной философскому процессу, так как перед философией стоит важнейшая задача осмысления места нации в историческом процессе, теоретического обоснования идеалов и целей развития народа, рационального выражения его самосознания. Перефразируя Гегеля, писавшего, что «философия есть эпоха, схваченная в мысли», можем утверждать, что философия – это и нация, выраженная в мысли. Тем самым признание для любой национальной философии какой-либо внешней по отношению к ней мерки является способом отрицания ее подлинной самобытности и культурной ценности.

Цель данной статьи – экспликация методологических и источниковедческих оснований исследования проблемы генезиса русской философии.

Материал и методы. Для достижения данной цели нами использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также методы реконструкции и системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Русская философия обладает всеми необходимыми характеристиками для отнесения ее к национальному типу. Она самобытна по источникам, характеризуется рядом специфических черт и образует вполне самостоятельную интеллектуальную традицию. Первые опыты русской философии восходят к древнекиевской эпохе и связаны с христианизацией Руси. Новая христианская идеология в отличие от старой языческой нуждалась в серьезном осмыслении богословско-философских вопросов, в продумывании проблем бы-

тия и познания, истории и природы, места человека в мире. Это способствовало росту интереса к мировоззренческой проблематике, а значит, и к философии. Христианизация Руси обуславливала развитие философии еще и в том отношении, что большая часть религиозных идей была выражена в письменной форме. В связи с этим меняется тип культуры, который становится религиозно-православным и книжным. На протяжении относительно короткого по историческим меркам времени формируется фонд отечественной рукописной книжности, включающий в себя произведения самых разных жанров и тематической принадлежности, объединенные тем, что в их общую канву органически вплетены философские вопросы и идеи. Несмотря на колоссальные утраты из-за войн, пожаров и просто естественного старения материала, древнерусская книжная культура по сей день поражает воображение богатством и разнообразием своего содержания, глубиной и художественным совершенством идейных построений.

В киевскую эпоху возникла характерная черта восточнославянской культуры, сохранившаяся вплоть до XX века, – высочайшее уважение к книге, почитание ее авторов, понимания содержания книги как истины. Книга – не просто источник знания, информации, тех или иных полезных для человеческой деятельности сведений. Книга – это прежде всего источник истинной жизни, «учитель» такой жизни. «Велика бо полза бывает человеку от учения книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию, и мудрость бо обретаемъ и въздержание от словес книжных. Се бо суть реки, напаяюще вселенную всю, се бо суть истоцища мудрости...» [4, с. 194]. В нашей культуре отношение к книжному слову подобно отношению к «священному инструменту», обращаясь к которому человек не только и не столько запасается знанием, а становится лучше, добрее. До сего дня в России и Беларуси сохранилась доверчивость к слову, которой, к сожалению, зачастую пользуются люди с нечистой совестью. Эта доверчивость к

слову была воспитана на протяжении веков в священной книжности.

Принятие христианства в форме византийского православия, допускавшего богослужения на национальных языках, потребовало организации «книжного дела», налаживания переводов церковной литературы на славянский язык. Уже в правление крестителя Руси князя Владимира начинается подготовка образованных людей, владеющих «учением книжным». В скором времени складывается развитый социальный слой, который сегодня можно назвать национальной интеллигенцией. В правление его сына Ярослава Мудрого при княжеском дворе формируется крупный литературный центр, ставший своеобразной средневековой академией. «И собра писце многы, – сказано о нем в «Повести временных лет», – и переключаше от грек на словенское письмо. И списаша книги многы, ими же поучашеся верни людье, наслаждаются ученья божественнаго» [4, с. 196]. В X–XIII вв. на Руси обращалось свыше

140 тыс. книг нескольких сот названий. Основное место в составе переводных источников занимала патристическая литература, т.е. творения Отцов и Учителей Церкви. Знакомство с ними способствовало не только приобщению восточных славян к таинствам православной веры, но и усвоению ряда античных идей, широко представленных в патристике, а также повышению уровня умственных и философских интересов древнерусского общества.

Выход к новым культурным горизонтам привел к постановке и осмыслению принципиально новых проблем. Одной из них является проблема Софии, напряженный интерес к которой нашел свое отражение не только в философских произведениях, но и в иконографии, зодчестве, богословии. Женственный образ Мудрости, восходящий к античной Афине-Палладе и библейским представлениям о Премудрости, создавшей себе дом, стал одним из важнейших в древ-

нерусской культуре. Широко известны храмы Софии, построенные по всей Руси: в Киеве, Новгороде, Полоцке, Вологде, Тобольске, Москве. В русской иконописной традиции большое значение приобрела художественно-эстетическая интерпретация образа Софии-Премудрости, которую олицетворяют, кроме Христа, с Богородицей, Церковью, связывают с таинством Евхаристии. Особое значение данной идеи-образа связано с тем смыслом мудрости, который был близок и понятен нашим предкам. Для восточных славян характерно особое, сокровенное, эмоциональное отношение к мудрости, воспринимаемой не как прагматическое рассудочное знание, но как высшая, прекрасная, несравненная ценность, достойная поклонения и всецелого ей служения. Уже на этом этапе сформировалась важнейшая черта всей русской философии, заключающаяся в невозможности отстраненно-теоретического, абстрактно-равнодушного, логицистского исследования любой проблемы. Российский исследователь М.Н. Громов пишет, что такое истолкование Софии обусловило общее понимание цели и предназначения философии, в которой «на первое место выступает возвышенный нравственно-эстетический аспект, а не формально-логический, доминирующий в современном сознании. Мудрость прекрасна, она достойна восхищения, преклонения и любви (в духе платоновского эроса) – так мыслили древнерусские люди, и мы не можем игнорировать подобное их представление о философии» [5, с. 25].

Важной историко-философской проблемой, возникающей при рассмотрении раннего этапа русской философии, является вопрос о влиянии на ее становление славянского язычества и о взаимодействии в ее рамках языческих и христианских способов миропонимания. Существует точка зрения, согласно которой философия на Руси, будучи изначально связанной с восточным христианством, пришедшим из Византии, смогла избежать влияния народных представлений о мире, закрепленных в языческом ми-

ровоззрении [6, с. 11–12; 7, с. 7–8]. Действительно, большинство философских произведений того периода создавались людьми, принадлежащими к Церкви, и потому система их идей практически полностью соответствовала христианской догматике. Однако мы полагаем, что роль язычества в философском процессе того периода все же была довольно значительной. Во-первых, философское творчество было рассредоточено в общем контексте культуры, и поэтому полностью избежать влияния язычества на все значимые культурные события и результаты было невозможно. Во-вторых, авторами философских произведений были не только монахи-летописцы, но и безымянные создатели фольклора, несомненно, близкие к простонародной среде. В-третьих, средневековая культура была сильно дифференцирована и в идеологическом, и в сословно-классовом отношениях. Эту противоречивость средневекового общественного сознания на материале западноевропейской культуры блестяще показал М.М. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Результаты его исследования в значительной степени могут быть применены и к анализу русского средневековья. Наряду и в оппозиции к официальной идеологии развивается смеховая, анархическая антиидеология, подпитываемая интересами и нуждами широких слоев как низов, так в значительной степени и верхов общества. Языческое мировоззрение находило свое воплощение в лицедействе и скоморошестве, имевших глубокий идейный смысл и накладывавших свой отпечаток на общую ситуацию в древнерусском социуме.

Тем не менее, язычество могло лишь определить специфику древнерусской философии, но оно было не в состоянии очертить ее проблемное поле и предложить направление духовных поисков. Данная задача была решена через усвоение византийского опыта, принятие и развитие тех результатов, которые были к тому времени получены в этой культуре. Принципиально важно отметить, что

Русь вступила в диалог с цивилизацией, находившейся на вершине культурного подъема. Как писал Г. Флоровский, «в X веке Византия была... единственной страной, подлинно культурной во всем «европейском» мире» [8, с. 5]. Через посредство византийских источников русичи знакомятся и с произведениями античных мыслителей, прежде всего Платона и Аристотеля. Кроме того, в круг культурных связей Руси входили страны южнославянского мира, среди которых необходимо особо выделить Болгарию. Усвоение кирилло-мефодиевской традиции – идейного наследия выдающихся славянских просветителей – многое определило в стиле и содержании русской мысли. Никакого противоречия с общим воздействием на древнерусскую культуру византийской патристики не было, так как философские взгляды Кирилла и Мефодия были близки к мировоззренческой позиции капшадокийцев (Св. Отцов, живших и творивших в Капшадокии).

Однако не следует думать, что русские люди того времени лишь пассивно усваивали культурный опыт, воспринятый ими извне. Напротив, практически сразу у них возникло представление о себе как о самостоятельном народе, могущем сказать новое слово в истории. Эта мысль четко выражена в одном из первых философских произведений, созданных на Руси и имеющих ярко выраженный самобытный характер. Речь идет о блестящем образце «древнего любомудрия» – «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (1015–1054), написанном в период между 1037 и 1050 гг. Иларион жил в период княжения Ярослава Мудрого. В летописи о нем пишется, что он родом «русин», «муж благ, и книжен, и постник». Был священником в княжеском селе, в 1051 г. по настоянию Ярослава, высоко его чтившего, возведен в сан митрополита Киевского. В результате он стал первым русским, занявшим место главы Русской православной церкви.

В «Слове» Иларион предлагает новое понимание исторического процесса. Идею

о последовательной смене четырех всемирных царств на пути к Царству Божьему он противопоставил учению о двухступенчатости всемирной истории на пути человечества к «вечной жизни». Двумя ступенями являются периоды господства двух Заветов – Ветхого и Нового. Ветхозаветная история есть «царство закона», которая сменяется новозаветной как «царством благодати». Содержанием ветхозаветной истории является история иудейского народа как избранного Богом для соблюдения продиктованного им закона. Однако закон был лишь предтечей истины и благодати. Далее Иларион настойчиво подводит читателей к основному выводу, ради которого и было написано «Слово»: если в «царстве закона» блюсти закон было поручено евреям как «богоизбранному народу», не оправдавшему, однако, заветов Бога, то в «царстве благодати» все народы равны.

Отсюда вытекает особое значение национальной проблематики в творчестве Илариона. Ветхий завет был замкнут в еврейском народе, Новый же имеет всемирное распространение и вводит всех людей в вечность. Мыслитель приводит многочисленные доказательства того, что время замкнутости религии в одном народе прошло, что наступило время свободного приобщения к христианству всех людей без исключения; все народы равны в своем общении с Богом. Более того, он упорно проводит мысль, что для новой веры потребны новые люди. «Лепобо благодати и истине на новые люди вьсиати, не вьливают бо – по словеси Господню – вина новага, учения благодатна, в мехы ветхы... но ново учение, новы мехы, новы языки (народы)». По мнению виднейшего исследователя «Слова» И.Н. Жданова, митрополит Иларион привлекает образы иудейства, Ветхого Завета только для того, чтобы «раскрыть посредством этих образов свою основную мысль о призвании язычников: для нового вина нужны новые мехи, для нового учения нужны новые народы, к числу которых принадлежит и народ русский» [9, с. 80].

В своем произведении Иларион создает патриотическую концепцию всемирной истории. Эта концепция дает ему возможность осмыслить историческую миссию Русской земли. По существу, в «Слове о законе и благодати» и других сочинениях святителя вполне сформировался идеал Святой Руси. Иларион стал родоначальником очень значимой для русской культуры мессианской идеи «нового», «свежего народа», которая будет подхвачена и развита в трудах многих маститых философов. Таким образом, все «Слово» от начала и до конца представляет собой стройное и органическое развитие единой патриотической мысли. Она не замыкается в культивировании национальной исключительности: автор все время подчеркивает, что русский народ лишь часть человечества, но имеющая огромное значение и великое будущее.

Еще одним крупным произведением не только древнерусской, но и мировой философии является «Повесть временных лет». Она представляет собой свод летописей XII века, т.е. написана несколькими авторами-летописцами, каждый из которых свободно пользовался чужими текстами, дополняя их своими сведениями, а порой давая и свое истолкование уже обозначенных событий. Сложными источниковедческими исследованиями было установлено авторство сводного текста «Повести». Оно приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору-летописцу (конец XI – начало XII в.). Важно отметить, что Киево-Печерский монастырь был идейным центром христианства на Руси, во многом определившим специфику русского православия. Его выдающиеся представители были последовательными борниками и проводниками мистико-аскетической традиции греческого богословия, суровыми критиками любых неправославных вероучений. Например, Феодосий Печерский – один из первых русских религиозных мыслителей сформулировал теорию «богоугодного властелина», согласно которой долг княжеской власти состоит в защите православия и

исполнении его заветов. В такой духовной среде происходило формирование Нестора-летописца, вызревание его собственной концепции мировой и отечественной истории.

«Откуда есть пошла Русская земля?». С этих слов начинается «Повесть» и заслуживает всякого восхищения, что уже в одном из первых философских произведений были поставлены вопросы, характерные лишь для культуры, достигшей высокого уровня национального самосознания. Кто мы, откуда мы, куда идем – все эти вопросы активно обсуждались на протяжении всей истории восточнославянских народов, не утратив своего значения и по сей день. Естественно, что эти вопросы решаются в летописи на материале своей эпохи и в стилистике средневековой культуры, но они стали основой сквозных для отечественной историософии тем. Выделим некоторые из них. Каков смысл летописной версии призвания варягов в определении специфики Русского государства? Чем была для судеб России византийская ориентация ее христианизации? В чем причина зла в истории и смысл катастрофических потрясений в общественной жизни?

Нестор приводит развернутую аргументацию в пользу идеи о самостоятельности восточных славян. Он показывает, что они имеют собственные земли, которые заселили путем мирного продвижения в пространстве. Они имеют свой общественный строй, отдельные славянские племена живут в мире между собой. Более трудной для Нестора, да и для последующих поколений историков, оказалась «варяжская проблема», т.е. объяснение причин появления варяжских князей в русской земле. Чем было это появление? Узурпацией власти со стороны пришельцев, вступивших затем в договорные отношения с местной верхушкой, или имело место посольство с приглашением наемников для охраны города и обеспечения внутреннего порядка? И тогда, и сегодня ответить на эти вопросы непросто. Средневековая история знала возможности реализации обоих

вариантов. Нестор же, приняв идею призвания, тем самым обосновывает легитимность власти на Руси, показывает законность и оправданность «лествичного права», согласно которому власть переходит от старшего брата к младшему, от дяди к племяннику, которые, поначалу получая в удел города, на каком-то этапе могли по старшинству занять Киевский великокняжеский стол.

Важной темой «Повести» является крещение Руси. Нестор подводит читателей к выводу, что князь Владимир осуществил этот судьбоносный для Руси акт не под чьим-то давлением или наущением, но потому, что Бог, возлюбивший русскую землю, Сам открылся ему. Летописец обращает наше внимание на то, что одним из решающих факторов принятия христианства по византийскому образцу стало эстетическое совершенство греческого вероисповедального обряда. Нестор красочно описывает, как вернувшиеся посланцы повествуют перед дружиной:

«И пришли мы в греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех странах» [10, с. 123]. Но, конечно, не только красота обряда склоняла князя Владимира в пользу христианства в его византийском обряде, но и экономические, военные, культурно-политические связи Руси с Византией, осознание тупикового характера язычества, а также общая ситуация в мире. Это подтверждает, с учетом характера Владимира, и крупнейший специалист по истории Русской православной церкви Е. Голубинский: «Человек с истинно государственными способностями, государь с отличающей великих людей способностью понимать требования времени, Владимир понял настоятельную необходимость России стать страной вполне европейской, и это политическое убеждение, соединяясь с прямым непосредственным желанием дать народу истин-

ную веру, и произвело то, что он не только сам принял христианство, но решился сделать его верою своего государства» [11, с. 156].

В «Повести временных лет» также поставлена и широко обсуждена проблема достоинства княжеской власти и ответственности князей за исполнение возложенных на них Богом обязанностей. Постановка этой проблемы была обусловлена трагическим событием убийства князей Бориса и Глеба их родным братом Святополком, получившим затем прозвище Окаянный. Рассмотрение этого события, которое, к сожалению, не стало последним, а также других трагедий в истории, привело к выводу к более масштабной проблеме: в чем источник и причины зла в истории? В своих ответах Нестор не вышел за пределы средневекового провиденциализма, но сама постановка проблемы оказалась очень перспективной и послужила началом обсуждения фундаментальной историософской проблемы зла в истории, над решением которой бились такие незаурядные умы русской культуры, как В.С. Соловьев, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и многие другие.

Ярким представителем средневековой культуры был Владимир Мономах (1053–1125). Дальновидный политик, крупный государственный деятель, удачливый полководец, незаурядный мыслитель, великий князь Киевский в 1113–1125 гг. был внуком по материнской линии византийского императора Константина Мономаха. Время его правления – один из периодов расцвета политического могущества и культуры Киевской Руси. Его философское и литературное творчество примечательно не только богатством идейного содержания, но и тем, что Владимир Мономах не принадлежал к сословию священнослужителей, к которому относилось большинство мыслителей того времени. Его сочинения, известные под наименованием «Поучения», написаны в конце XI – начале XII века. «Поучение» дошло до нас совершенно случайно, в единствен-

ном списке, в составе Лаврентьевской летописи. Еще одна счастливая случайность не позволила ей сгореть в московском пожаре 1812 г. вместе с библиотекой А.И. Мусина-Пушкина, где она находилась и откуда была взята Н.М. Карамзиным незадолго до этого события.

Текст «Поучения» чрезвычайно богат смысловым содержанием, но его центральной идеей является понятие «правды», совмещающее в себе нравственный, правовой и политический аспекты. Согласно Мономаху, правда – это то, что составляет основу законности власти и в этом смысле и есть закон, правосудие. Но нравственный смысл данного понятия в «Поучении» гораздо шире: правда требует от власти стать на защиту слабых («не вдавайте сильным погубити человека») и даже не допускать смертной казни. Мономах призывает всех, кто облечен властью, использовать ее во благо людям и своей земле. Неправедная же власть не только опасна для окружающих, но и приводит к нравственному, личностному разложению самого властителя («Более всего гордости не имейте в сердце и уме»). Тем самым, уже на самом раннем этапе развития русской философии мы встречаемся с резким неприятием идеологии неограниченного господства человека над человеком, т.е. идеологии, которую позже назовут тоталитарной.

Интересную концепцию, раскрывающую источники и государственный смысл этического-правовых воззрений Мономаха, предложил академик Д.С. Лихачев [12, с. 137–141]. Он утверждает, что князь хорошо осознавал неизбежность феодального дробления и ухода от патриархально-общинной формы властвования, которая еще частично сохранялась и была дорога многим простым людям. Однако логика развития русского общества требовала иных форм организации политической жизни. Они и были найдены на княжеских съездах конца XI – начала XII века и получили свое выражение в виде формулы «Каждый да держит отчину свою». Но тогда сразу возникает проблема раздоров между князьями,

связанная с нарушением справедливости в наследовании и владении княжествами. Большинство князей понимали (по крайней мере, на словах) губительность войн друг с другом, стремились нейтрализовать невыгодные последствия дробления, отстаивали необходимость строгого выполнения обязательств вассалитета-сюзеренитета, уважения к самостоятельности каждого княжества, обращались для этого к авторитету церкви и к церковной учительной и житейской литературе.

Мономах, безусловно, был представителем этой новой идеологии – «Каждый да держит отчину свою». Его деятельность была направлена на то, чтобы упорядочить жизнь на Руси на основе нового принципа. Он отчетливо осознавал, что новому принципу общего владения землей необходимо было создать моральный авторитет. Владимир Мономах пытался опереть новую политическую систему на христианскую мораль, на строгое соблюдение договорных условий, на взаимное уважение к правам младших и старших. В конечном счете вся новая система должна была опираться на моральную дисциплину, на идеологию. Таким образом, высокая мораль была потребностью раздробленного общества. Ее появление было вызвано глубокими историческими причинами. Моральная сила должна была дополнить и ограничить силу государственную.

Видным представителем древнерусской учености был Климент Смолятич (нач. XII – не ранее 1164 г.), ставший вторым после Илариона русским (не греческим) митрополитом Киевским. Согласно Ипатьевской летописи, он был «книжник и философ так, яко же в Русской земле не башеть». Согласно отзывам его современников, Климент отличался выдающейся активностью в интеллектуальной деятельности, но до нас дошло немного его произведений, среди которых наибольшее значение имеет «Послание, написано Климентом, митрополитом русским, Фоме пресвитеру».

В этом «Послании» автор отвечает на обвинения некоего инока Фомы в том, что Климент увлекается языческой мудростью (т.е. сочинениями античных мыслителей и поэтов) и пренебрегает свято-отеческим наследием. На подобные обвинения Климент замечает, что надо не слепо, догматически следовать Писанию, но уметь толковать заложенную в нем символику.

Русский иерарх не мог бы сказать подобно Тертуллиану: «После Христа мы не нуждаемся в любознательности, после Евангелия мы не имеем нужды в исследовании». Климент следует традиции, заложенной его предшественником Иларионом, противопоставившим «закону» «благодать». Климент связывает с христианством совершенно новый период в мировой истории, в котором ориентация на «закон», т.е. на безусловное подчинение внешнему авторитету, есть безусловный анахронизм. То, что человек не имеет возможности постичь Бога своим разумом, не означает, что он вообще лишен способности к богопознанию. Постигая мир как разумно организованное Божье творение, человек тем самым приближается к Творцу. Для этого необходимо совершенствовать свой ум и владеть тем богатством культурных смыслов, которые создали люди на протяжении своей истории. Климент искал приемлемые пропорции между богословием и философией в рамках христианского мировоззрения, что дает возможность отнести его к представителям интеллектуализированного философичного богословия.

Выдающимся памятником древнерусской культуры и философской мысли является «Моление Даниила Заточника» (в другой редакции «Слово»). Социальную принадлежность автора «Моления», жившего в XII–XIII вв., и даже его подлинное имя исследователи точно не установили, но совершенно ясно одно, что он принадлежал к низовым сословиям тогдашнего древнерусского общества, относился к числу зависимых людей. Здесь для нас важно то, что в «холопской» среде смог сформироваться яркий

и самобытный мыслитель, сумевший сказать свое веское слово о тех проблемах, которые были особенно значимы для русской мысли.

Красной нитью через весь текст «Моления» проходит идея значимости человеческого ума, неотделимого от нравственности. Ум в единстве с нравственностью становится мудростью, которая еще и прекрасна. Мудрость имеет выраженное эстетическое измерение: мудрое начало создает нравственную гармонию в душе человека, делает прекрасным его духовный облик. В сочинении Даниила Заточника была четко артикулирована мысль о неразрывном единстве Истины, Добра и Красоты, ставшая излюбленной темой русской культуры вплоть до сегодняшнего дня. Весьма критически автор отзывается о тех, кто, имея внешние признаки учености, в реальной жизни не соответствует декларируемым идеалам. О таких он пишет: «Ангельский имея на себе образ, а блудной нрав; святителский имея на себе сан, а обычаем похабен».

В своих политических суждениях Даниил исходит из высоко ценимого им значения мудрости в индивидуальной и общественной жизни. Он сторонник «умного», просвещенного единовластия. Мудрость, по мысли автора, есть единственная сила, способная удержать князя в рамках закона и правды. Только действительно мудрый властелин способен понять необходимость сдержанности и умеренности в политике. Автор развивает идеал «богоугодного властелина», столь значимый для древнерусской мысли, но делает это в гораздо более светском варианте. Большой элемент светскости присутствует и в понимании самой мудрости. Она предполагает религиозно-нравственное основание, и все же – на личностном и общественном уровне – это именно человеческая мудрость: мудрость мыслителя, мудрость обычного человека, мудрость властителя. Тем самым Даниил высоко ставит человека,

ценит его достоинство, показывает безграничные возможности личности.

Заключение. Завершая рассмотрение русской философии периода Киевской Руси, необходимо сделать некоторые выводы. На этом этапе произошло становление русской философской мысли и началось ее активное развитие. Были заложены основы философского мышления, сложились основные понятия и категории, усвоены и творчески переработаны элементы византийской, а через нее эллинской и восточной философии. Русская мысль в это время предстала в самых разнообразных формах: в исторических взглядах летописцев, патристической историософии Илариона, светской этике Владимира Мономаха, экзегезе Климента Смолятича, апологии мудрости и учености Даниила Заточника. Эпоха Киевской Руси глубоко вошла в народную память, и «в эпоху собирания древнерусских земель под власть Москвы историческим обоснованием для возвращения утраченных областей единого некогда государства будут служить ссылки на письменные источники старого времени, на общность культуры восточнославянских народов» [5, с. 91].

Литература

1. Громов, М.Н. Типология русской философии / М.Н. Громов // История философии. – М., 2001. – 934 с.
2. Шпет, Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Сочинения. – М.: РОССПЭН, 1989. – 846 с.
3. Радлов, Э.Л. Очерки истории русской философии / А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет // Очерки русской философии. – Свердловск, 1991. – 698 с.
4. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1997. – Т. 1. – 741 с.
5. Громов, М.Н. Русская философская мысль X–XVII веков: учеб. пособие / М.Н. Громов, Н.С. Козлов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 632 с.
6. Замалева, А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.) / А.Ф. Замалева. – 3-е изд., дополн. и перераб. – СПб.: Изд.-торг. дом «Летний сад», 2001. – 798 с.
7. Сербиненко, В.В. Русская философия: курс лекций / В.В. Сербиненко. – М.: РГГУ: Омега-Л, 2005. – 461 с.
8. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 607 с.
9. Жданов, И.Н. Сочинения / И.Н. Жданов. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1904–1907. – Т. 1. – 871 с.
10. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – 188 с.
11. Голубинский, Е. История русской церкви / Е. Голубинский. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1901–1906. – Т. 1. – 968 с.
12. Лихачев, Д.С. Избранные работы: в 3 т. / Д.С. Лихачев. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 2.

Поступила в редакцию 11.07.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.